

О СВОЕОБРАЗИИ РЕАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙНОГО ТЕКСТА В «ЗАПИСКАХ» Н. А. МАРКЕВИЧА

SERGEI O. KURIANOV

ON THE PECULIARITY OF THE REALIZATION OF THE EVENT TEXT IN NIKOLAI A. MARKEVICH'S MEMOIRS

**Сергей Олегович
Курьянов**

доктор филологических наук, доцент

► so_k@inbox.ru

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
Российская Федерация, 295007,
Симферополь, пр. Вернадского, 2

Sergei O. Kurianov

Doctor of Philology, Associate Professor

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
2, pr. Vernadskogo, Simferopol,
295007, Russian Federation

Автор статьи ставит своей целью показать, как в неопубликованных мемуарных записках Н. А. Маркевича создавались мифологизированные представления о русской литературе 1810–1820-х годов, формировавшие своеобразный событийный эпохальный сверхтекст литературного процесса этого времени. Во введении в краткой форме приводятся теоретические основы исследования. В частности, указывается на особенности такой формы событийного сверхтекста, как эпохальный текст. Цель написания статьи — показать, как в означенных мемуарных записках, и особенно в части, озаглавленной «Россия, Петербург, литература 1817–1820», формируется авторская мифология, как благодаря мастерству мемуариста происходит эмоциональное восприятие эпохи и исторических личностей. Для достижения поставленной цели использованы культурно-исторический, типологический, мифопоэтический и структуралистский методы литературоведения. «Записки» Н. А. Маркевича, как и любые мемуарные документы, являются уникальным свидетельством эпохи. Однако именно в этих «Записках» удастся не просто зафиксировать исторические и литературные события, но и придать им эмоциональный фон, который, несомненно, создает авторский миф об историческом времени; мемуарист не просто пишет об особенностях той или иной исторической личности, но нередко предлагает такой индивидуальный ракурс взгляда, который противоречит традиционным и устоявшимся оценкам. В статье отмечается, что мифологизации культурной и литературной обстановки рассматриваемой эпохи способствуют два повествовательных приема — апологетика и ирония. Показано, как записки Н. А. Маркевича концептуально, в запоминающихся константных мифологизированных формах воспроизводят представление о литературном процессе этой поры, то есть создают знаковые для воспринимающего сознания обозначения, которые, закрепившись в русской литературе, формируют эпохальный событийный текст русской литературы пушкинской эпохи.

Ключевые слова: сверхтекст, событийный текст, текст пушкинской эпохи, мифологизация, Николай Андреевич Маркевич, мемуарные записки.

This article aims to show how the unpublished memoirs of Nikolai A. Markevich created mythologized representations of Russian literature of the 1810–1820s, which formed a peculiar event epochal supertext of the literary process of that time. The introduction briefly presents the theoretical foundations of the study. In particular, it points out the peculiarities of such a form of event supertext as an epochal text. The aim of the article is to show how in Markevich's memoirs, and especially in the part entitled "Russia, Petersburg, Literature 1817–1820", the author's mythology is formed, how thanks to Markevich's skill as a memoirist an emotional perception of the epoch and historical personalities takes place. To achieve the set goal, the cultural-historical,

typological, mythopoetic and structuralist methods of literary studies are used. Markevich's "Notes", like any memoir documents, are a unique testimony of the epoch. However, it is in these "Notes" that the author manages not only to record historical and literary events, but also to give them an emotional background, which undoubtedly creates the author's myth about the historical time; he does not just write about the peculiarities of this or that historical personality, but often offers such an individual perspective that contradicts traditional and established assessments. The article notes that two narrative techniques — apologetics and irony — contribute to the mythologisation of the cultural and literary environment of the epoch considered by the memoirist. It is shown how the notes of Markevich conceptually in memorable constant mythologized forms reproduce the idea of the literary process of this period, that is, they create signs for the perceiving consciousness, which, having fixed in Russian literature, form the epochal event text of Russian literature of Pushkin's epoch.

Keywords: supertext, event text, Pushkin epoch text, mythologisation, Nikolai A. Markevich, memoir notes.

Введение

Ассоциативно-смысловой свертхтекст, об одном из вариантов которого пойдет речь в данной статье, строится, если быть кратким, на основе национально значимого концепта (всемирно, культурно и подобного значимого; чаще всего внелитературного происхождения) и существует в воспринимаящем сознании благодаря стремящимся к ядру данного свертхтекста неомифологическим образованиям — мифологемам (*константным мифологизированным представлениям*. — С. К.) и мифемам (*мифоконцептам*) (см.: [Свертхтекст... 2023: 9–15]). Ассоциативно-смысловой свертхтекст, как он понимается современной наукой [см.: Меднис 2003; Лошаков 2007; Курьянов, Иванова, Курьянова 2022; Свертхтекст... 2023; и др.], разнообразен. Основные его разновидности — именной, пространственный и событийный. В данной статье речь пойдет о последнем — событийном, наименее изученном типе свертхтекста. Причем необходимо заметить, что до недавнего времени под событийным текстом фактически понимался только свертхтекст, формируемый именно национально (всемирно, культурно) значимым событием, каковым, к примеру, являются Великая французская революция, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война и др. (см., напр., об этом в статье: [Лошаков 2008]). Однако, как показали современные исследования, событийный

текст может иметь варианты. Это «казуальный (от лат. *casus* — происшествие, инцидент, событие) и эпохальный тексты». Причем если «казуальный текст — событийный свертхтекст, формирующийся благодаря... значимому историческому событию», то «эпохальный текст — событийный свертхтекст, строящийся на константных мифологизированных представлениях не одного большого события, а ряда небольших, но объединенных смысловой общностью. Центр (ядро) такого свертхтекста всегда есть концепт исторической эпохи, включающей в себя цепь исторических, культурных, бытовых, научных и т. п. событий, ее формирующих. Мифологемы эпохи формируют данный текст» [Курьянов, Иванова, Курьянова 2022].

Мемуарные записки Н. А. Маркевича, которые создавались в 1850-е годы, являясь собой яркий образец эпохального свертхтекста.

Состояние изучения вопроса.

Цель. Методы

«Записки» Н. А. Маркевича, поэта, историка Украины, этнографа и музыканта, о которых автору статьи уже приходилось писать (см., напр.: [Курьянов 2012; Курьянов 2020]), как и любые подобные мемуарные документы, являются уникальным свидетельством эпохи, которую характеризуют. Однако именно в этих «Записках» акцент делается не на исторических или литературных событиях, а на эмоциональном фоне, производимом данными событиями. Автор не столько пишет об особенностях той или иной исторической личности, сколько предлагает читателю индивидуальный взгляд на предмет, иногда противоречащий традиционным и устоявшимся оценкам.

О несомненной склонности Н. А. Маркевича к мифологизации уже говорилось, когда внимание обращалось на создание мемуаристом украинского текста в произведениях [Курьянов 2018а; Курьянов 2018б]. В мемуарных записках поддерживаются существующие и формируются авторские литературные мифы, что указывает на подспудное стремление к созданию своеобразного свертхтекста русской литературы описываемой и характеризваемой им эпохи.

Цель статьи — показать, как в «Записках» Н. А. Маркевича формируется авторская мифология, как благодаря мастерству мемуариста происходит эмоциональное восприятие эпохи и исторических личностей, а также складывается событийный эпохальный свертхтекст.

При работе над данной проблемой применялись культурно-исторический и типологический методы литературоведения.

Обсуждение

«Записки» создавались Н. А. Маркевичем в 1850-е годы и не были завершены, видимо, в связи с его болезнью и смертью, которая последовала в 1860 г. Временной разрыв, таким образом, с описываемыми годами был существенный, что, несомненно, накладывало определенный отпечаток на утверждения автора. Правда, Маркевич неоднократно подчеркивает в тексте, что опирается на записи, сделанные в свое время по следам недавних событий. Именно по этой причине у мемуариста появляется та самая манера изложения, когда он с уверенностью пишет о спорных в трактовке и даже недостоверных событиях (свидетелем которых не был и знал о них по рассказам и слухам), что, конечно, связано со своеобразной временной аберрацией памяти. А удаленность нахождения мемуариста от людей, которые помогли бы восстановить утерянные элементы тех или иных событий, фактов и центров культуры (Маркевич с середины 1820-х годов жил в основном в своих малороссийских имениях), формировала платформу для мифологизации прошлого.

Мифологизировано было и время, и личности, значимые для этого исторического времени, чему способствовала прежде всего идейная позиция мемуариста, которая, будучи сформированной под влиянием умеренных декабристских идей, во многом была связана с трепетным отношением ко всему, что касалась его малой родины — Малороссии. Представители малороссийских семей, знакомых Н. А. Маркевичу, события, связанные с украинской землей, происходившие на ней, украинская история — все это существенным образом усложняет (а в некоторых случаях упрощает) в тексте «Записок» идейную позицию автора.

Попутно заметим, что под мифом, как и в других работах автора настоящего исследования [Курьянов 2019: 28–31], понимаются такие представления о действительности, которые в силу своего постоянства, перехода из одного произведения в другое, из суждения в суждение приобретают качество неизменного представления, то есть мифологизируются, становятся константными мифологизированными представлениями, выполняя в неомифе роль мифологем, свойственных традиционному мифу.

У Маркевича два основных способа мифологизации — *апологетика* и *ирония*. Выбор средств зависит от отношения к исторической персоне. При этом он опирается в основном на уже во многом сложившийся общественный авторитет (или отсутствие оно).

Утверждение значимости того или иного представителя писательского сообщества зависит у Маркевича как минимум от двух факторов: 1) общественного признания и 2) личного расположения мемуариста к рассматриваемой персоне, отношения к ее литературному наследию.

Первым в ряду по значимости стоит А. С. Пушкин, хотя о других литературных фигурах мемуарист тоже не забывает, говоря и о Г. Р. Державине, и о Н. М. Карамзине, но «Державина я уже не застал, в Петербург приехавши» (л. 56 об.)¹, поскольку это было в 1817 г., а певец Фелицы скончался в 1816-м; что же касается Карамзина, то «Карамзина не знал!» (л. 82) — пишет Маркевич. А Пушкин был рядом, близок и... велик уже с молодого возраста.

Г. Р. Державину Маркевич отдает дань, замечая, в частности, что «Державин непобедим и недостижим в описаниях битв, огнедышащих гор, водопадов» (л. 81), то есть велик, но велик так, как может быть велик деятель прошлой эпохи. Он и нужен во многом мемуаристу как олимпиец, передающий свой лавровый венок приходящему на смену победителю: когда лицеист Пушкин «читал в Царскосельском лицее стихотворение “Воспоминания в Царском Селе”, — дряхлый старик Державин одушевился.

*Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.*

И потом:

О скальд России вдохновенный и пр.

Эти стихи поразили наиболее Державина; он хотел Пушкина обнять, но его не нашли. Он бежал. Пушкин недописал анекдота в своих заметках; я слышал, что будто бы Державин сказал: “Вот кто займет мое место” (л. 57).

Конечно, такой взгляд не просто мифологизировал фигуру старшего и уже почившего поэта, но делал ее безусловно великой — памятником эпохи.

К Карамзину было несколько иное отношение. Историк был еще жив и полон сил, «продолжал писать свою *Историю*, оканчивал IX и X томы» (л. 82). Он еще питал своей творческой энергией читательские ожидания, закат его жизненного и творческого пути угадывался, но не имел той завершенности, что у Державина. К тому же он был свой, понятный, из его произведений произрастал корень современной Маркевичу литературы. Великий историк-поэт становится тем образцом, с которым невольно сравниваются иные писатели: «Что значит, однако же, Карамзин как прозаик в сравнении с другими. *Письма русского путешественника* и теперь читаются с наслаждением; весьма немного теперь иначе говорится и пишется; а между тем они писаны 25 лет раньше писем Глинкиных, которые устарели» (л. 76), — пишет мемуарист, имея в виду «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки. Или: прозу К. Н. Батюшкова «после карамзинской в то время считал я лучшею» (л. 79 об.).

А. С. Пушкин в представлении Маркевича, опираясь на литературное наследие Карамзина, быстро равняется со старшим литературным собратом и перерастает его: с одной стороны, ранние произведения молодого Пушкина были «подражания отечественным и французским поэтам...», «“Бова” напоминает карамзинского *Илью Муромца*» (л. 57), а с другой стороны, «помню, как мне нравилось его *Послание к Жуковскому*, начинающееся словами: “Благослови, Поэт!” В нем он говорит о Карамзине:

*Сокрытого в веках священный судия,
Страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый,
И бледной зависти предмет неколебимый»* (л. 58 об.).

В этом последнем примере — оценка деяний равного равным. Причем непосредственно у Пушкина такого уравнивания нет, поскольку цитата неполная и фраза у поэта завершается словами: «Приветливым меня вниманьем ободрил» [Пушкин 1937: 194], — он склоняется перед Карамзиным, делая его великим безусловно. У Маркевича же мифологизация личностей строится на сравнении двух великих, поэтому он усекает цитату, чтобы уравнивать их. Пушкин смотрит в прошлое, а Маркевич уже знает будущее (напомним, что время написания «Записок» — 1850-е годы). И оценка Пушкиным Карамзина в его сознании — достойная (может быть, несколько преувеличенная) оценка великого деятеля русской культуры не менее, а, вероятно, более великим современником.

Официальное знакомство Маркевича с А. С. Пушкиным состоялось благодаря В. К. Кюхельбекеру, преподававшему в пансионе русскую словесность. На уроке географии у К. И. Арсеньева к карте был вызван соученик Маркевича — некий Шмидт, очень забавно для товарищей искавший экватор в районе Северного полюса, а Париж в Южной Америке. Маркевич, который, по его собственному свидетельству, до того времени ни разу не брался за стихи, неожиданно для самого себя сложил эпиграмму:

*Того, что в мире Бог создал,
Наи Шмидт на месте не оставил:
Экватор к полюсу послал,
Париж в Америку отправил* (л. 21).

Эпиграмма попала в руки Арсеньева. Оценив стихи, профессор географии передал листок с ними Кюхельбекеру, с которым столкнулся в дверях во время перемены. Последний был восхищен поэтической ловкостью воспитанника и пригласил его к себе вечером на бельведер, где квартировал. Там и состоялось личное знакомство с А. С. Пушкиным. У Кюхельбекера тогда «были А. Пушкин, Дельвиг, Баратынский и Пущин. “Господа! <— обратился к присутствующим хозяин. —> Рекомендую вам г<осподи>на Маркевича, ему 13 лет; он не знаком с метрикой, но написал вот эти стихи; не угодно ли почитать?” — Пушкин

несколько раз прочитал их и сказал: — О боги! Господин Маркевич, примите меня в число друзей». В мягкой ироничности пушкинской фразы вряд ли приходится сомневаться, но вот понял ли это начинающий поэт? Вряд ли. Как пишет сам мемуарист, «это разнеслось по пансиону, и не только товарищи, учителя глядели на меня, как на кита» (л. 21 об.).

Не осталась незамеченной для Пушкина и первая публикация Маркевича — стихотворение «Гроб», писаное гекзаметрами. Несмотря на положительные отклики Жуковского, Ф. Глинки, Баратынского, Пушкин старался аккуратно направить начинающего поэта по тому пути, который сам считал единственно верным: «Пушкин, сидя возле меня на классной скамье, советовал писать стихи с рифмами, “не отнимая у публики одного из наслаждений, к которому привыкла она”, — это подлинные его слова» (л. 21 об. — 22). Урок не прошел даром: более к гекзаметрам молодой поэт не прибегал.

Тесным было, по словам мемуариста, общение с Пушкиным с 1 по 20 февраля 1820 г., в период «свободы» после пансиона («бывал почти ежедневно»), хотя и ранее заходил иногда, «тайком ускользнув во время классов пения» (л. 4).

В феврале 1820-го Пушкин болел, «никуда не выезжал, обрабатывал пятую песнь *Руслана и Людмилы*, дописывал шестую», ждал решения вопроса о ссылке. Ходили слухи, что это будет охваченная революцией Испания. «Меня венчанный солдат хочет кинуть в омут революции, где, думает он, я шею себе сверну, — говорил мне Пушкин. — Но он крепко ошибается: я сверну шею Фердинанду, научусь по-испански и стану испанцем в душе» (л. 4–4 об.).

Эти слова, впервые опубликованные Е. М. Косачевской [Косачевская 1987: 204], вызвали сомнения у пушкинистов. Что справедливо: фраза, вложенная Маркевичем в уста Пушкина, явно получила поэтическую корректировку мемуариста. Но дух фразы, где «испанец» синоним революционера, думается, вполне соответствует задиристому и вспыльчивому характеру молодого Поэта.

О близости в этот период взглядов Маркевича свободолобивым взглядам Пушкина говорит

тот факт, что, уезжая в Малороссию, начинающий поэт получил в подарок от своего старшего приятеля «на память несколько пьес в стихах», среди которых были и подцензурные. Часть их в дальнейшем была утеряна, остальные он хранит до конца жизни (см.: л. 4 об.).

После этого встречи с Пушкиным прервались почти на десятилетие и были возобновлены в 1829 г., во время пребывания Маркевича в Москве. Однако сведения о них настолько скудны, что реконструкции поддается очень немного.

Маркевич находился в Москве в связи с изданием своих поэтических сборников «Стихотворения эротические», «Еврейские мелодии» и глав из переводимого им байроновского «Дон Жуана». В это время приятельская связь с Пушкиным продолжилась. Пушкин познакомил его с дядей, Василием Львовичем, рассказал о своей любви к Н. Н. Гончаровой. На квартире у Пушкина произошло кратковременное знакомство с Адамом Мицкевичем, не прошедшее для молодого поэта даром: полный текст прозаического перевода поэмы «*Dziady*», сделанный Маркевичем, хранится в отделе рукописей ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург) [Маркевич 1829]. Но каковым был характер бесед с Пушкиным о поэзии, сказать трудно. Достоверно известно лишь, что Пушкин познакомился с переведенными главами из «Дон Жуана» и сделал ряд замечаний. О содержании их сведений нет [Маркевич 1853: л. 27–28 об.].

После 1829 г. Маркевич с Пушкиным, видимо, не встречался, несмотря на то что в 1831 г. он вновь посетил Москву в связи с изданием «Украинских мелодий». В переписке они не состояли.

Е. М. Косачевская утверждала, что во время пребывания Маркевича в древней столице в 1829 г. Пушкин, без сомнения, познакомился с текстом неопубликованной поэмы «Димитрий Донской», написанной Маркевичем в 1827–1828 гг. [Косачевская 1987: 69]. Это предположение, не более. Хотя идейные мотивы поэмы близки декабристской и пушкинской поэзии, хотя оценка деятельности Николая I, звучащая в поэме, близка пушкинским «Стансам» и «К друзьям», надо учитывать, что любое (даже незначительное) замечание Пушкина, который, несомненно, был для Маркевича

кумиром, запоминалось молодым поэтом на всю жизнь и, вероятно, даже скрупулезно записывалось. Но таких воспоминаний не сохранилось.

Любопытно, что Маркевич, несколькими фразами дававший вполне емкий и живой портрет других персонажей своих записок, во все не стремится нарисовать портрет Пушкина. И здесь может быть как минимум два объяснения. Во-первых, облик Пушкина к середине 1850-х годов всей грамотной России был уже хорошо известен, определенным образом мифологизирован и не требовал описаний, к тому же каждый читатель уже имел собственное эмоциональное восприятие поэта, и вмешиваться в его индивидуальное представление было бы некорректно. Мемуарист это интуитивно чувствовал и не навязывал свои суждения.

Во-вторых (это, думается, главное), традиционная для записок манера легкой иронии (а в необходимых местах и сарказма) по отношению к Пушкину была неприменима: для Маркевича его старший приятель был и в литературе, и в жизни непререкаемым авторитетом. И все-таки он, рассказывая о Кюхельбекере, случайно оставил уникальное свидетельство о том, как Пушкин читал свои стихи — «выл и обозначал голосом ударения и цезуру» (л. 65).

Замечания Маркевича о стихах молодого Пушкина в дневниках и на отдельных листках, относящиеся к концу 1810-х, во многом объясняют растущую популярность будущего гения: «...в то время пушкинский стих был так нов, так блестящ, так пленителен, что все вылившееся из-под пера его нас восхищало» (л. 57 об.). Маркевич воспроизводил картину общей завороченности талантом великого поэта в конце 1810-х — начале 1820-х годов: «Будуары, Марьяна Роща, общая застольная в ресторации, место свидания с любовницей, плац в ожидании генерала, приехавшего делать смотр, — везде раздавались стихи Пушкина. Журналы, где он их помещал, расходились до последнего экземпляра. Наконец, ему платили по золотому от стиха, и нередко он проигрывал в штосс свои строки как чистые деньги. Прибавим к этому его пылкий, довольно необузданный, но благородный, любящий нрав; его находчивость, остроумие,

безбоязненность. Он был сам — поэзия» (л. 58 об. — 59).

Большую симпатию у Маркевича вызывали и фрондерские выходки Пушкина, вести о которых доходили до него в форме распространенных анекдотов: мифологизация пушкинской личности происходила уже в конце 1810-х годов. Пример — рассказ о том, как Пушкин «побился об заклад, что рано утром, в Царском Селе, он выйдет перед дворец, станет раком и подымет рубашку. Он был тогда еще лицеистом и выиграл заклад. Несколько часов спустя его зовут к вдовствующей императрице. Она сидела у окна, видела всю проделку, вымыла ему голову порядочно, но никому о том не сказала» (л. 59).

Вольномыслие Пушкина подчеркивается еще и таким анекдотом: «Его ждали в театре на балет *Гензи и Тао*²; для него товарищи взяли билет; кресло пустое оставалось, он был в Царском. В антракт после 1-го действия входит он. Его спрашивают, чего он опоздал. “Ах, какой там был дивный случай!” — “Что такое?” — “Царский медведь сорвался с цепи, поймал царя и чуть не задушил. Отняли!” — “Что ж с медведем?” — “Что! Разумеется, убили. В России и медведю умному не позволяют жить”» (л. 59 об.).

Злое остроумие Поэта, его юношески-категорическое неприятие чиновного и сословного превосходства показывается Маркевичем в таком эпизоде: «Пушкин шикал какой-то актрисе. Сидящий возле него генерал, влюбленный, вероятно, в актрису, генеральски-повелительно сказал ему: “Перестаньте”. Пушкин продолжал шикавать; генерал взглянул на него пристально и сказал: “Дурак!” — “Послушайте, — отвечал Пушкин, — если б публика не приняла оплеухи за аплодисмент этой дуре, я б вам дал оплеуху”. Хохот всеобщий. “Кто вы такой?” — закричало разъяренное превосходительство. “Я — Александр Пушкин”, — кротко улыбаясь, отвечал поэт» (л. 60 об.). И еще: «Был у графини Мусиной-Пушкиной бал, куда и Пушкин был приглашен. Загулявшись в Кронштадте, он приехал, когда бал был в полном разгаре, и приехал подгулявши. Графиня, знаменитая гордостью, увидя его, громко крикнула: “Monsieur Pouchkine!” — он не услышал. Она повторила

громче. Он опять не услышал; она подошла к нему, хлопнула рукой по плечу и громко спросила: «Не двойт ли у вас в глазах?» Едва улыбка общего одобрения явилась на лицах графининых низкопоклонников, как ответ Пушкина огорошил всех. «Нет-с; рябит!» — отвечал поэт. А графиня была рябая от оспы» (л. 60 об. — 61).

Многие литературные пристрастия Маркевича сформировались благодаря влиянию и вкусам В. К. Кюхельбекера: «Кюхельбекер был превосходнейший ценитель литературных произведений. Это была школа очищенного вкуса» (л. 64 об.). Вместе с тем это была еще и школа свободолюбия и гражданственности: «Однажды он вне себя прибежал с *Опытом теории о налогах* <Н. И.> Тургенева. На нем было назначение: “в пользу крестьян, содержащихся в тюрьмах за недоимки”. Замечательно, что это очень понравилось государю, Тургенев был осыпан наградами. Вдруг государь опомнился, что это вовсе не похвала его администрации; он запретил книгу, потом позволил второе издание, но с пропусками» (л. 23). О влиянии свободолюбивых идей Кюхельбекера на Маркевича говорит факт созвучия у них оценок исторических лиц и событий (л. 62).

Но в то же время Маркевич вполне отдавал себе отчет об уровне поэтического дарования старшего приятеля, об особенностях его поведения и мировосприятия, поэтому образ Кюхельбекера у него, в отличие от пушкинского образа, демиургического и героического, приобретает черты комические. Собственно, авторский миф о Кюхельбекере формируется у мемуариста из соединения восхищения и уважения к нему с комичностью и нелепостью его фигуры и как человека, и как поэта. «Писал, — утверждает Маркевич, — очень посредственно; Пушкин любил его, был дружен с ним, но не любил его стихов... Нельзя, однако ж, сказать, чтоб стихи Кюхельбекера были совершенно бездарны; но постоянно элегическое, мрачное направление, наконец, так надоело, что Пушкин... назвал подобное вдохновение “и кюхельбекерно, и тошно»» (л. 64 об. — 65). «Кюхельбекерное» звучание стихов старшего поэта младший объяснял их «водянистостью» и «довольно немецкой» сутью (л. 4, 4 об.).

Мифологизация личности Кюхельбекера достигается вполне в тот момент, когда Маркевич приводит слышанный некогда анекдот, в разных вариантах известный историкам литературы: «При всей дружбе к нему Пушкин очень часто выводил его из терпения; однажды до того ему надоело, что вызван был на дуэль. Они явились на Волково Поле и затеяли стреляться в каком-то недостроенном фамильном склепе. Пушкин очень не хотел этой глупой дуэли. Но отказаться было нельзя. Дельви́г был секундантом Кюхельбекера. Решили, что Пушкин будет стрелять после. Когда Кюхельбекер начал целиться, Пушкин закричал: “Дельви́г! Стань на мое место, здесь безопаснее”. Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал пол-оборота и пробил фуражку на голове Дельви́га. “Послушай, товарищ, — сказал Пушкин, — без лести, ты стоишь дружбы; без эпиграммы, пороку не стоишь”. И бросил пистолет» (л. 22 об.).

По иному принципу мифологизируются мемуаристом литераторы, с которыми у него были приятельские отношения, но которых близко не знал: в таком случае делается акцент на отдельные запоминающиеся черты внешности, врезавшиеся в память факты творчества.

Так, А. А. Дельви́га, несмотря на общение с ним, в основном оценивал через поэзию: «Дельви́г необыкновенно владел стихом. В нем я не помню плохого стиха. Все же он нам нравился менее своих товарищей. Род поэзии, им избранный, был не по нас: подделка под русскую простонародную песню, пастушеское направление других, слепки с древней антологии, — все это как-то мало говорило нашим сердцам» (л. 61).

В поэзии В. А. Жуковского главное для мемуариста и самое притягательное — особенность мировоззренческой позиции: «...убеждения Жуковского в действительности и естественности любви неземной — высокие, утешительные, ведущие к добродетели убеждения. Если это и заблуждения, то благо тому, у кого позже с глаз упадет эта ароматная, разноцветная завеса». Слова его произведений «не менее евангельских утешительные для того, кто расстался навеки с любимым существом... Как глубока, утешительна и дивно выражена его философия...» (л. 80–80 об.).

На наследие К. Н. Батюшкова смотрел исключительно в сравнении с наследием В. А. Жуковско-го: «Предпочитатели Батюшкова до того пленились его сладкозвучием, что все остальное забыли. Он далеко не произвел того влияния на русское слово и далеко не так глубок в чувствах и выражениях, как Жуковский. Да и впечатление, производимое Жуковским на своих читателей, несравненно благотворнее. Батюшков — прелестный поэт-эпикурец, поэт, взявший себе за *vade mecum* Монтеня, за образец слога Тасса и Ариоста, за направление в поэзии направление Мильвуа и Парни. Не с этой точки смотрел на жизнь и на поэзию Жуковский» (л. 78 об.).

Говоря о князе П. А. Вяземском и отмечая, что «ему все удавалось: ода, стансы, песня, посланье, сатира, эпиграмма, — все хорошо под его пером», Маркевич тем не менее сосредоточивается на остроте его пера, нацеленного на недостатки русской литературной жизни и на литературных противников. Поэтому мемуарист утверждает, что «кн<язь> Петр Андреевич Вяземский сказал: *“В Отечестве моем, в стране моей родной / Журналов множество, а книги ни одной”*». Однако это неточная цитата из «Послания к князю С. Н. Долгорукову» Д. П. Горчакова. Вяземскому же Маркевич приписывает едкую эпиграмму о «Вестнике Европы» («*Вестник Европы / Полезен для ума, а более для ж...*»), хотя авторство этой эпиграммы до сих пор не установлено и в несколько ином варианте она приписывается А. С. Пушкину. Большое место в мемуарных записках уделено «Посланию к М. Т. Каченовскому» с преамбулой: «Но тяжел был князь Вяземский для таких негодяев, как Каченовский. Достойна примечания его фарса с этим мерзавцем; это его послание...» (л. 73 об.). Все это воссоздает облик старшего поэта как в первую очередь сатирика и острослова, что точно подмечено. Но заслуги поэта Вяземского перед русской литературой этим не исчерпываются.

Резко отрицательное, а порой насмешливое или даже издевательски саркастическое отношение было у Маркевича к писателям антикарамзинского, антипушкинского круга, а также к литераторам слабым или запятнавшим себя связью с Третьим отделением.

А. А. Шаховского, пишет Маркевич, «мы не любили, вражда его с Озеровым, нападки на Карамзина сделали его для нас противным... “Новый Стерн” его есть бессильная попытка ничтожества осмеять талант... Его комедии плоски, сухи, вялы, наполнены дрянными стихами, а были в ходу потому только, что князь Шаховской был поддерживаем аристократиею, а еще более потому, что “на безрыбье и рак рыба”». Как представляется, не последнюю роль в формировании отношения Маркевича к Шаховскому сыграла комедия последнего «Казак-стихотворец». С большим трепетом относясь ко всему, что связано с Украиной, Маркевич не мог принять вольную трактовку в изображении украинской жизни: «Не зная языка, писать на нем стихи может только безмозглый шалоброд. ...я утверждаю без обиняков: или самонадеянная, гордая, публики не уважающая скотина, или безмозглый дурак может писать, печатать и отдавать на сцену такие свинства» (л. 70 об. — 71 об.).

А. С. Шишкова и Д. И. Хвостова Маркевич называет «поэтами-горемыками». Непопулярность Шишкова среди представителей своего поколения видит в «славянофильстве, устарелости, коснегии» (л. 77 об.). А в словах о Хвостове звучит неприкрытая едкая ирония. Поэт воспринимается мемуаристом вполне в рамках традиции — как литературный казус: «...он писал, печатал и потом, за неимением посторонних покупателей, сам покупал свои стихи.

*Чтоб не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обернешь... —*

говорит Пушкин гусару; и Хвостова стихи были целью всех поэтов для остроумничанья. Графов, Свистов, все это значило — Хвостов. А граф покойно шел своею дорогою, и в глубокой старости, и перед самою смертью продолжал писать, печатать и покупать свои сочинения; никогда не гневался на насмешки; никогда не унижался, чтоб отвечать; угощал гостеприимно своих соперников-писателей и все писал, писал. Это была психологическая задача; у графа была так душа устроенная, что ему нельзя было не писать; или уж тело

так было устроено, что подвигало на глупости душу разумную. Должно спросить у мистиков, — не мог не бросить колкости Маркевич, — кто виноват в стихотворениях графа Хвостова: тело или душа...» (л. 77 об. — 78).

Истинным негодованием проникнуты строки мемуариста о М. Т. Каченовском, «который грыз землю под Карамзиным, Жуковским, Вяземским, Пушкиным; который приветствовал каждый талант остервененным лаем. Этот мерзавец довел свою зависть дарованиям до того, что наконец его критики стали походить на доносы». И не довольствуясь общими замечаниями, Маркевич добавляет конкретики — негативных моментов, связанных с Каченовским, что, собственно, и мифологизирует атмосферу, создаваемую им самим и вокруг него: «Каченовский изгонял из русской азбуки э и и, давал гражданство *ижице*, его делали смешным; он преследовал мнения несколько свободные, его делали гадким. Вывели наружу, как при Павле был он под судом за то, что крал казенный порох и торговал этою контрабандою. Довели его до того, что он жаловался на Полевого как на журналиста и на Сергея Глинку как на цензора; но тех оправдали: “Но цензор прав, нам смех, Зоилу нос”» (л. 82 об. — 83).

Кратко, но в то же время емко и со значимыми подробностями пишет Маркевич о В. Л. Пушкине, Е. А. Баратынском, А. Е. Измайлове, Н. Е. Хмельницком, Ф. Н. Глинке и других близких ему по духу литераторах, в ироническом ключе характеризует тех, кто был ему неблизок и неприятен — В. И. Панаева, К. П. Массальского, В. С. Филимонова и др.; насмешливо пишет о театре конца 1810-х годов, создавая эмоционально насыщенную широкую картину литературы и культуры этой эпохи.

Итоги

Поскольку рассматриваемый литературный период для русского национального сознания имеет большое значение, Н. А. Маркевич, по сути, обращается к национально значимому культурному явлению, которое можно определить как «литературная эпоха пушкинского времени». Мифологизируя облик А. С. Пушкина и его окружения,

его друзей и литературных недругов, мемуарист формирует в воспринимающем сознании особый, во многом нестандартный, но в то же время живой образ литературной эпохи, благодаря которому историческое время приобретает запоминающиеся черты и воспринимается уже через призму взгляда пишущего. А само литературное движение, мифологизируясь, приобретает характер сверткестового явления — *событийного эпохального сверткестового* русской литературы конца 1810–1820-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на «Записки» Н. А. Маркевича [Маркевич 1820].

² «Хензи и Тао, или Красавица и чудовище» — балет в 4 актах на музыку Ф. Антониони. Постановка Ш. Дидло.

ИСТОЧНИКИ

Маркевич 1820 — Маркевич Н. А. *Записки Н. А. Маркевича: 1817–1820 г.* Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 488. Оп. 1. Д. 82.

Маркевич 1829 — Маркевич Н. А. *Перевод поэмы А. Мицкевича «Dziady»*. РО ИРЛИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 27.

Маркевич 1853 — Маркевич Н. А. *Журнал, записки и воспоминания [1845–1853]*. РО ИРЛИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 37.

Пушкин 1937 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. Лицейские стихотворения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 531 с.

ЛИТЕРАТУРА

Косачевская 1987 — Косачевская Е. М. *Н. А. Маркевич, 1804–1860*. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. 286 с.

Курьянов 2012 — Курьянов С. О. «...Тайны литературные тех лет...»: Н. А. Маркевич-мемуарист о литераторах-современниках. В сб.: *Вестник Крымских литературных чтений*: Сб. науч. ст. и мат-лов. Симферополь: Крымский Архив, 2012, (8). С. 311–325.

Курьянов 2018а — Курьянов С. О. О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе. В сб.: *Крымский гуманитарный вестник: сборник научных статей*. Рудяков А. Н. (ред.). Симферополь: ИП Минакир И. Л., 2018. С. 40–47.

Курьянов 2018б — Курьянов С. О. Роль «Украинских мелодий» Н. А. Маркевича в формировании украинского текста в русской литературе. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2018, (3). С. 14–35.

Курьянов 2019 — Курьянов С. О. *Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков*. М.: Инфра-М, 2019. 312 с.

Курыянов 2020 — Курыянов С. О. О мемуарных записках Н. А. Маркевича. В сб.: *Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы докладов участников международной научной конференции*. Богданович Г. Ю. (ред.). Симферополь: Крымский фед. ун-т имени В. И. Вернадского, 2020. С. 189–191.

Курыянов, Иванова, Курыянова 2022 — Курыянов С. О., Иванова Н. П., Курыянова В. В. Актуальные вопросы теории сверткста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловый сверткст. *Litera*. 2022, (11): 124–136.

Лошаков 2007 — Лошаков А. Г. *Сверткст как словесно-концептуальный феномен*. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.

Лошаков 2008 — Лошаков А. Г. Сверткст: проблема целостности, принципы моделирования. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2008, (11/66): 100–109.

Меднис 2003 — Меднис Н. Е. *Свертксты в русской литературе*. Т. И. Печерская (ред.). Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т, 2003. 170 с.

Сверткст... 2023 — *Сверткст: генезис, структура, семантика*. Курыянов С. О. (ред.). М.: Директ-Медиа, 2023. 224 с.

REFERENCES

- Косачевская 1987 — Kosachevskaja E. M. *N. A. Markevich, 1804–1860*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU Press, 1987. 286 p. (In Russian)
- Курыянов 2012 — Kurianov S. O. "...Secrets literary of those years...": N. A. Markevich-memoirist about contemporary writers. In: *Vestnik krymskikh literaturnykh chtenii*. Simferopol: Krymskii arkhiv Publ., 2012, (8). P. 311–325. (In Russian)
- Курыянов 2018a — Kurianov S. O. About the Russian-Ukrainian literary relations and on the Ukrainian text in Russian literature. *Krymskii gumanitarnyi vestnik: sbornik nauchnykh statei*. Simferopol: IP Minakir I. L. Publ., 2018. P. 40–47. (In Russian)
- Курыянов 2018b — Kurianov S. O. The role of "Ukrainian melodies" by N. A. Markevich in the formation of the Ukrainian text in Russian literature. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2018, (3). P. 14–35. (In Russian)
- Курыянов 2019 — Kurianov S. O. *The secret key of Russian literature: The formation and becoming of the Crimean text in Russian literature of the 10th–19th centuries*. Moscow: Infra-M Publ., 2019. 312 p. (In Russian)
- Курыянов 2020 — Kurianov S. O. About memoirs notes of N. A. Markevich. In: *Mezhkul'turnye kommunikatsii: russkii iazyk v sovremennom izmerenii: tezisy dokladov uchastnikov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Simferopol: Izdatel'stvo Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2020. P. 189–191. (In Russian)
- Курыянов, Иванова, Курыянова 2022 — Kuryanov S. O., Ivanova N. P., Kuryanova V. V. Current issues in the theory of supertext: Literary aspect. Associative-semantic supertext. *Litera*. 2022, (11): 124–136. (In Russian)
- Лошаков 2007 — Loshakov A. G. *Supertext as a verbal-conceptual phenomenon*. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo universiteta Publ., 2007. 344 p. (In Russian)
- Лошаков 2008 — Loshakov A. G. Supertext: The problem of integrity, principles of modeling. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. 2008, (11/66): 100–109. (In Russian)
- Меднис 2003 — Mednis N. E. *Supertexts in Russian literature*. T. I. Pecherskaya (ed.). Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2003. 170 p. (In Russian)
- Сверткст... 2023 — *Supertext: Genesis, structure, semantics*. Kuryanov S. O. (ed.). Moscow: Direkt-Media Publ., 2023. 224 p. (In Russian)